

СОЦИАЛЬНАЯ ПЕРСПЕКТИВА - ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

СИВИРИНОВ Борис Сергеевич - кандидат философских наук, доцент Сибирской Академии государственной службы (Новосибирск).

Вопрос о человеке, его сущности и связанной с ней "социальной перспективе", занимает центральное место в современной мировой социальной мысли. И в этом плане весьма своевременным представляется обращение ведущих авторов журнала "Социологические исследования" (Т.М. Дридзе, Ю.М. Резник, Ж.Т. Тощенко и др.) к человеческому измерению социального. Общество снова и снова обращается к человеку с древним призывом "nosce te ipsum" - "познай самого себя". Этот призыв в каждом случае имеет свое содержание. Когда мы говорим о человеческом измерении "социальной перспективы", то имеем в виду человека *не как ее меру-эталон*, к чему привычна вся социально-научная мысль, а как *димерсиональную* составляющую общества, пронизывающую в разной степени *все* его социальное пространство.

Социальная реальность, выступающая как проявление своеобразной целостности взаимодействия познавательной и преобразующей активности общества, включает в себя существенную составляющую общественного бытия - человека. Человек - центр, связующее звено всех компонентов "социальной перспективы", которую следует рассматривать как антропо-социо-культурный феномен, детерминирующий изменение общества. Человек - центр, ядро "социальной перспективы", но не в смысле творца общества и истории, а прежде всего в бытийном, онтологическом смысле. В данном случае человек сам есть то социо-природное пространство, которое уже *своим наличным бытием задает пространственно-временные и качественные параметры общества*. Поэтому в исследовании человеческого измерения "социальной перспективы" неизбежно возникает вопрос: *каким образом и в какой форме универсум человека определяет "социальную перспективу"?*

Для социальных наук вообще, и для социологии, в частности, интересен вопрос о человеке в его социальной перспективе, о его возникновении, его развитии и его будущем, - это вопрос о "человеческой экзистенции". Одна из самых интересных и далеко не самых ясных проблем - это проблема определения или поиска базисных начал человека, определяющих перспективы истории. М. Шелер, один из родоначальников социальной антропологии, считал, что такая задача в немалой степени доступна именно философии, которая хоть и спекулятивным образом, но имеет возможность "показать, как из основной структуры человеческого бытия ... вытекают *все* специфические монополии, свершения и дела человека: язык, совесть, инструменты, оружие, идеи праведного и неправедного, государство, руководство, изобразительные функции искусства, миф, религия, наука, историчность и общественность" [1]. В то же время, ставя вопросы о своем месте в мире и пытаясь дать ответы, человек ощущал, пишет М. Шелер, что "актуальное бытие его духа и личности превосходит даже *формы* бытия этого мира в пространстве и времени" [Там же]. М. Шелер делает вывод, что человек, задавая эти вопросы, неизбежно выходит на идею абсолюта, идею Бога. Но Шелер упускает, что задавая эти вопросы, человек может выйти и выходит (рано или поздно) на идею абсолюта, но в ипостаси человека, как бытия "надмирного", "бесконечного" и абсолютного". Конечно, эта абсолютизация в истории общества

представлена в разной степени (т.е. она все-таки неполна) и в разных формах, например, в мировоззрении эпохи Возрождения и философии нового времени. В каждом случае представители этих двух выводов по-своему трактовали роль человека в истории. Одни считали (и считают) только его творцом истории, другие, наоборот, продуктом истории. К. Маркс и Ф. Энгельс требовали вернуть истории человека как ее содержание. Но история и без того сама пропитана *человеческим* содержанием во всех его *положительных и отрицательных качествах*.

В действительности, человек выступает как начало и вектор истории не только в диахронном плане, но и в синхронном плане, будучи детерминантой постоянного порождения общества как процесса и движения, процесса постоянного, всегда неполного и, к сожалению, неизбежного, по Марксу, "возвращения человека к самому себе". "Аутогенез единичного, - отмечает Г. Ромбах, - имеет смысл в социогенезе целого. Но так же и наоборот: социогенез социального образования достигается только через аутогенез индивидуумов" [2]. Именно в такой постановке проблемы мы предполагаем анализ социальной перспективы в ее человеческом измерении.

В чем суть постановки проблемы человека как детерминанты общественного развития и как составной части "социальной перспективы"? Во 1-х, это исследование проблемы возможностей человека в активном влиянии на историю и отдельные социальные процессы; во 2-х, исследование пределов и ограничений человека в этом влиянии; в 3-х, влияние природных свойств человека, этих своеобразных *констант*, на процесс возникновения и жизнь общественных структур. Наш подход претендует на определенную обобщенность понятия человека как комплексного феномена общества. Эта комплексность связана, во-первых, с родовыми характеристиками человека как части природы и взаимодействующего с ней по биологическим законам, во-вторых, с социальными характеристиками человека как части общества, когда социализированный индивид, т.е. продукт общества, вступает в отношения с этим обществом, в соответствии с социальными закономерностями.

Прежде всего замечу, что человеческое измерение социальной перспективы сопряжено с пониманием человека как ее *центральной детерминанты*, определившей и определяющей *основные ключевые* характеристики общества. В традиционном сознании приведенный в данной формулировке тезис не вызывает возражений. Люди привыкли считать человека сознательным началом, конструирующим облик общества согласно своим целям, даже несмотря на факты, постоянно опровергающие такой взгляд. Однако в данном случае человека следует понимать прежде всего как феномен, который определяет характер общества и его перспективу уже *фактом своего существования* как комплекса социоприродных качеств. В этом комплексе существенную роль играет биологическая составляющая человека, которая своей данностью определяет как основные структурные формы общества, так и формы *текущей динамики* социальной перспективы. "Не требуется особых научных знаний, - отмечал Лукач, - чтобы быть всегда уверенным в том, что человек непосредственно и в конечном счете неотторжимо принадлежит к биологической сфере бытия, что его существование, его происхождение, течение его жизни и ее конец коренятся самым широким и фундаментальным образом в этом виде бытия. Непосредственно очевидным следует считать и то, что биологически детерминированные способы бытия предполагают постоянное сосуществование с неорганической природой во всех своих жизненных проявлениях, как внутренних, так и внешних, однако и развитие общественного бытия также невозможно без непрерывного взаимодействия с этой сферой" [3]. Каким же образом человек выступает в виде своеобразного *генотипа*, определяющего структурность общества? Можем ли мы говорить, что *человеческое* общество таково, каков человек в своей био-организменной ипостаси?

Для ответа на поставленные вопросы можно обратиться к биологическим потребностям человека. Потребность в пище изначально определила экономико-социальную или производственно-экономическую структуру общества. Именно на этой основе

стали возникать отраслевые сферы экономической деятельности человека: сельское хозяйство с растениеводством и животноводством. Далее возникали отрасли по переработке сельхозпродукции. Все это логическим образом порождало (и порождает) другие социальные образования, связанные с отмеченными видами деятельности: этнокультурные, территориальные общности, социальные профессиональные группы и т.д. Рецепторно-сенсорные характеристики человека - цветовое зрение, особенности слуха определили (разумеется, наряду с другими факторами) социальные сферы художественно-культурной деятельности (живопись, музыка).

Структурность общества в виде групп и общностей определяется также пространственной ограниченностью и относительной физической слабостью отдельного человеческого существа, что неизбежно побуждает его вступать в контакты и сотрудничество с другими с целью выживания. Исходя из последнего, можно предположить, что и политические структуры общества с давних пор определялись этим свойством людей как пространственно локальных живых существ. Сначала это были военные и военно-политические объединения. Сейчас мы имеем сложный набор социально-политической структуризации. Будь на Земле один большой организм - Океан по "Соляристу" С. Лема - ему планетарная политика была бы не нужна.

Внимание именно к биологическому аспекту детерминации структур общества редко можно встретить в литературе. Тем интереснее высказывание П. Сорокина, который смог это заметить и понять, что "при другой антропологической организации другой был бы и весь уклад жизни (Допустите, что человек обладал бы наподобие растений способностью перерабатывать неорганические вещества в органические. Какая разница жизни возникла бы из этого одного факта!) [4]. Можно сказать, что структурность общества содержит в себе в превращенном виде динамику живого человеческого организма. Мы коснулись филогенетического аспекта формирования социальных структур, но этот же механизм социальной структуризации наблюдается и в онтогенезе. "Все социальные системы, не важно, насколько они велики, выражают и выражаются в рутинах повседневной социальной жизни, опосредуя физические и чувственные качества человеческого тела" [5]. Разумеется, структурность общества зависит и от других факторов (территориальных и природно-географических, социальных, психологических и др.). Но мы специально остановились на этом, чтобы показать важность учета биологических факторов и в будущей перспективной структурной дифференциации общества.

Другая сторона детерминации общества касается влияния био-психо-природных свойств человека на его поведение и характер общественных отношений. Тот факт, что социальное в человеке возникло *на основе* биологического, не оспаривается ни кем. В то же время само биологическое не уменьшается, не принимает редуцированную форму в человеке, как считают некоторые авторы, а существует в нем *всегда* именно как биологическое. Поэтому считаю, что до тех пор, пока в человеке существуют в *неизменном виде* заложенные природой *инстинкты* и психо-физиологические механизмы, человеческая природа в ее биологической ипостаси практически неизменна. Следовательно, неизменно будет влияние этой природы на социальную перспективу. На вопрос, изменилась ли природа человека в течение нескольких тысячелетий истории, или человек остался в своей сущности неизменен, дается ответ, что нет фактов, которые свидетельствовали бы о преобразовании человека. Все изменения можно понять как процесс отбора в рамках уже существующего [6]. Разумеется, человек не только биологический феномен. И никогда не следует игнорировать биологическую составляющую человека. Но если поведение животного *напрямую* связано с реакцией на раздражения и предметы окружающего мира, то у человека эта реакция *опосредована* моделями сознания, "миром символов" (Л. фон Берта-ланфи). Для социальных наук представляет интерес исследование факта существования социальных форм поведения как превращенных (переведенных) форм биологического. Вполне возможно, сам человек в будущем изменит эти механизмы с помощью генетических или иных технологий. К сожалению, в науке пока не наблюдается анализ

последствий таких изменений. Лишь научная фантастика С. Лема дает нам пример модели общества, в котором люди и даже звери освобождены от инстинкта агрессивности - "бетризованы". Но общество при этом как бы "застывает", не развивается. Не платим ли мы за динамику нашего общества дикими последствиями нашей агрессивности? Пожалуй К. Лоренц в чем-то прав, утверждая, как пишет Фромм, "что без бойцовского азарта (этого автономного человеческого инстинкта)" были бы "невозможны ни наука, ни искусство, ни любые другие грандиозные человеческие свершения" [7]. Однако механизм этой агрессивности не таков, как понимает сам К. Лоренц (не "внешняя опасность"). Скорее здесь мы имеем дело с "агрессией" иного рода, как "агрессией", "посягательством" на устоявшиеся рутинные научные концепции, взгляды, кстати и *людей* - их носителей, на привычные формы и жанры искусства и т.п. Элемент "агрессивной" (в этом смысле) воли здесь необходимое условие развития науки, искусства. Но, к сожалению, и эта форма агрессивности "*токсична*" и заражает собой *всю* сферу человеческих отношений.

Этот механизм перевода природно-инстинктивного в социально-поведенческое исследовал З. Фрейд. К сожалению, он обратил внимание на влияние только полового инстинкта на довольно широкий спектр социального поведения вообще, в то время как еще один, более сильный инстинкт - самосохранения, весьма существенно детерминирует человеческое поведение и все общество. Инстинкт самосохранения в непосредственном действии обеспечивает выживание биологического организма, когда человек чувствует или видит определенную опасность. Механизм этого инстинкта формировался под влиянием природной среды. Современный человек одновременно живет и в природной и в социальной среде. Когда он видит или чувствует определенную опасность для себя со стороны социальной среды, опасность социального свойства (угроза статусу, власти, авторитету), перед ним стоит задача не биологического, а *социального выживания*, о чем много пишет современная российская социология.

Здесь в защитный поведенческий механизм человека включаются не только регуляторы социального свойства (мораль, право, ценности), но и биологического, инстинктивного. Очевидно, что человек ощущает опасность не только для своей социальной составляющей, но одновременно и биологической. В экстремальных ситуациях как социальной, так и биологической угрозы инстинктивный механизм может проявиться наиболее полно.

В условиях катастроф у многих людей (не у всех, но можно утверждать, у достаточно репрезентативного количества) позитивные социальные формы реакции (взаимопомощь, сочувствие и т.п.) сильно деформируются под влиянием инстинкта самосохранения. В этих ситуациях преобладают такие социально-личностные качества как "эгоизм", "индивидуализм", "агрессия" [8]. Это ни в коей мере не означает, что я абсолютизирую роль инстинктов в социальном поведении. "Инстинкт - это чисто биологическая категория, в то время как страсти и влечения, коренящиеся в характере - это биосоциальные, исторические категории, - отмечал Э. Фромм. - ...Нынешнее состояние психологической мысли поддерживает известную аксиому, согласно которой мотивация лишь тогда может быть сильной, когда она служит органическим потребностям, т.е. только инстинкты обладают достаточно интенсивной мотивационной силой. Если же отказаться от этой механической, редуccionистской точки зрения и обратиться к целостной концепции человека, то постепенно становится ясно, что человеческие страсти следует рассматривать в связи с их функцией в процессе жизни целостного организма. Их интенсивность коренится не в специфических потребностях, а в потребностях целостного организма жить и развиваться как в телесном, так и в духовном смысле" [8, с. 26].

С подходом к человеку как единству биологического и социального согласны почти все исследователи. Однако целостность человека как существа био-социального не исключает существования в нем этих двух пространств-времен (биологического и социального). Отсюда и проблемы их согласования и гармонизации. Если задаться целью определить *онтологический статус* человека, мы неизбежно наткнемся на

отсутствие адекватного объекту единого категориально-теоретического инструментария. Обычно в таких случаях выходят на рассуждения типа: "с одной стороны", "с другой стороны". Но биологическое и социальное в человеке взаимообусловлены в его *экзистенции*. Прав был Э. Фромм, когда утверждал: "Мы обращаемся к реальным условиям существования реального живого человека, так что понятие *сущность* каждого индивида совпадает с понятием *экзистенция* (существование) рода ... Мы заменяем фрейдовский физиологический принцип объяснения человеческих страстей на эволюционный социобиологический принцип историзма" [8, с. 24]. В механизмах адаптации человека к внешней среде большое значение имеют внутренние генетически заданные механизмы. Биологическое пространство человека позволяет говорить о почти абсолютной предопределенности судьбы человека, во всяком случае значительных ее сторон и этапов, а нередко отдельных социальных событий и ситуаций. Возрастные периоды - это одновременно и периоды социального становления человека. Биофизиологические характеристики человека определяют его хорошую или плохую адаптивность к ситуациям в общественной среде. Разные здоровье, физическая сила определяют разные социальные реакции людей. Биологическое в человеке не противостоит общественному, являясь одним из важных конструктивных элементов социального. Если мы будем рассматривать обратное влияние - социального в человеке на биологическое, то заметим социализацию, очеловечивание и облагораживание чисто биологических процессов и актов. Те же самые инстинкты стали биологической основой в формировании культурно-художественного и нравственно-целостного пространства, демонстрирующего взаимоотношение полов, сотрудничество людей с разными целями и интересами, отправление физиологических актов (например принятие и приготовление пищи) в высших нравственных, эстетических формах и очеловеченных условиях, которые задаются нормами общества.

Социальное в человеке также важный элемент детерминации социальной перспективы. Религия, мораль, обычаи, традиции, правовые законы (право), различного рода *социальные* потребности являются составляющими того "параллелограмма сил" (Энгельс), который формирует результирующую - "общество".

Следует заметить, что мое обращение к проблеме взаимоотношения социального и природно-онтологического в человеке преследует конкретную цель: показать составляющие единого пространства человека как одного из важнейших детерминант социальной перспективы. В данном случае человек представляет интерес как *константа констант* общества. Говоря об изменяемости человека, К. Ясперс писал: "Все изменения можно скорее понять как процесс отбора в рамках уже существующего ... Оказывается, что в различных условиях, в результате меняющегося характера отбора одна и та же сущность открывает те или иные присущие ей аспекты" [6, с. 225]. Наряду со всеми возможными изменениями, эта константа определяет то неизменное и постоянное в историческом развитии, что можно назвать "рамками" или *пределами и ограничениями*, за которые если и возможно выйти в масштабах всего общества (не в виде весьма редких исключений), то только *качественно* изменив эти биологические, психологические и социальные "постоянные".

Главный отличительный критерий человека - разум. В разуме наиболее четко дает о себе знать единство биологического и социального: биологический субстрат мозга с нейрофизиологической и регулятивно-управленческой социальной функциями. Академик Н.М. Амосов, проводя исследования, связанные с моделированием разума, дал характеристики разума человека не только с точки зрения возможного его потенциала, но и с точки зрения его пределов и ограничений. "Практически все универсальные разумы, - пишет он, - действующие в сложной и изменчивой среде, поступают лишь относительно разумно. Это объясняется их тремя недостатками: 1. Ограниченность: модели разума всегда проще среды. Для компенсации нужно много моделей разной обобщенности. 2. Субъективность: все этапы ФА (функциональных актов. - Б.С.) идут под управлением критериев-чувств-потребностей. Но они сами по себе противо-

речивы, изменчивы и поэтому искажают активность взаимодействующих моделей. Отсюда погрешности. Исправить их частично можно повторным рассмотрением объектов при изменившемся состоянии чувств. 3. Увлекаемость: односторонняя тренировка, творчество при некоторых воздействиях могут изменить соотношение критериев, исказить реальность и собственную активность моделей вплоть до потери адекватности ФА, до патологии.

Все эти недостатки особенно характерны для разума живых существ. Дело в том, что эволюция создала его для оперативного реагирования в коротких отрезках времени при меняющейся среде и критериях. Поэтому модели качественны, отрывочны и статичны, состоят из отдельных картин, отражающих действительность фрагментами с разной обобщенностью. Объективная количественная модель (действующая) сложного объекта, к которой должна стремиться наука, в живом разуме невозможна из-за особенностей "порционного" восприятия и анализа объектов" [9].

В чем проявляется детерминация общества с учетом пределов и ограничений разумной компоненты человека? Приведем примеры. Во-первых, три названные выше ограничения детерминируют все *исторически сложившиеся* в обществе *коллективные формы руководства и управления*, представляющие собой *компенсацию* этих недостатков в виде управленческих и государственных структур, начиная от совета рода и кончая современными административными структурами и парламентами. Во-вторых, фрагментарность восприятия и памяти разума инициировали и продолжают инициировать "*внешние*" формы памяти общества: печатные тексты (письменность), изображения, наука, литература, искусство. "Сохранение и передача информации, - отмечает В.А.Колеватов, - может осуществляться с помощью различных средств. В развитии общества и человека сложились способы и средства реализации этой функции, носящие гетерогенный характер, - обработанные человеком предметы, а также жесты, звуковая речь, изображения, имитация действий и другие формы "социального наследования" [10].

Однако *ограничения разума* важны и с точки зрения детерминации поведения человека и их учета в различных видах деятельности. Как писал современный экономист Г. Саймон: "Понятие ограниченной рациональности служит исходной точкой для экономической теории, посвященной исследованию несправедливо игнорируемых областей; при этом не отрицаются те достижения классической теории, которые имеют достаточную эмпирическую базу. В то время как неоклассическая теория исходит из очень небольшого, но мощного набора эмпирических предположений о поведении (предположения о максимизации субъективно ожидаемой полезности), теории, опирающиеся на понятие ограниченной рациональности, требуют более широких эмпирических предположений, а отсюда и более обширных наблюдений о реальном поведении человека, связанном с принятием решений [11].

Исходя из изложенного, можно сделать вывод, что социальная перспектива строится на антропоморфности общества. Человек и общество в определенном смысле гомоморфны. Социальная перспектива всякий раз, т.е. и на микро- и на макро-социальном уровнях ограничена, с одной стороны, природными константами человека, с другой, - его социальными константами, с третьей, - социальной средой, началом (возникновением) и исчезновением (трансформацией) социальных целостностей. Историческая социальная перспектива определяется тем же, но уже относительно таких макро-социальных целостностей, как государства, цивилизации, человечество.

Представляется, что обсуждение проблемы социальной перспективы в связи с проблемой характера и силы человеческого воздействия на общество должно быть тесно связано с проблемой пределов и ограничений в человеке. Именно пределы человеческих возможностей создают ситуации повышенного риска не только в управлении технологическими системами (Чернобыль), но и социальными, экономическими и государственно-административными системами. Набор свойственных человеку пределов и ограничений может включать социально-личностные, интеллектуальные, нравственные показатели, угрожающие безопасности в различных сферах жизни

общества. На это, как правило, социологи обращают внимание. Однако в не меньшей степени проблема социальной перспективы должна быть связана с биологической составляющей, т.к. *социальная* (рациональная) составляющая человека *интенционально*, как потенциал отдаленного будущего, пределов не имеет. Но реальность такова, что и пределы *актуального* социального, буде такие возникнут, определяются в конечном счете и биологическим в человеке. "Мое будущее есть обнаружение моих свойств, и будущее человечества - обнаружение его свойств. Исторический ход - его дело, и историческая причина - оно само. Игнорировать эти факты, бьющие в глаза своей реальной правдой, и заменять их очевидность какой-то неуловимой и предопределенной "недотыкомкой" — поистине иметь глаза и не видеть, иметь уши и не слышать" [4, с. 521]. Обеспокоенность социолога побуждает нас не только пассивно принять парадигму "социальных пределов и ограничений", но и поставить задачу исследования и освоения сложнейших технологий их компенсации и элиминирования, не нарушая и не разрушая базисные рамки феномена Homo sapiens, ибо выход за эти рамки будет означать прощание с Человеком и встречу с Нечеловеком.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шелер М. Положение человека в космосе / Проблема человека в западной философии. М., 1998. С. 90.
2. Rombach H. Phaenomenologie des sozialen Lebens. Grundzuege einer Phaenomenologischen Soziologie. Freiburg/Muenchen 1994. S. 28.
3. ЛукачД. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М., 1991. С. 36.
4. Сорокин П. О так называемых факторах социальной эволюции / Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 523.
5. Гидденс Э. Элементы теории структуризации / Современная социальная теория. Бурдье, Гидденс, Хабермас. М., 1995. С. 70.
6. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1994. С. 254-255.
7. Цит. по: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М, 1994. С. 41.
8. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 21.
9. Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопросы философии. № 6. 1992. С. 55.
10. Колеватов В.А. Социальная память и сознание. М., 1984. С. 74.
11. Саймон Г. Методологические основания экономики / Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. 1989-1990. М., 1991. С. 93.